

6. Соловьев Вл. Об упадке средневекового миросозерцания. — М.: Директ-Медиа, 2008. — 25 с.
7. Шеллинг Ф.В. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки — СПб.: Наука, 1998. — 518 с.
8. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. — 1988. — № 4. — С. 135–152.
9. Шпенглер О. Закат Европы. «Падение Запада» и глобальные проблемы человечества (общедоступное введение). — Новосибирск: Наука, 1993. — 584 с.
10. Бергсон А. Творческая эволюция. — М.: Канон-Пресс, 1998. — 384 с.
11. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. — М.: МГВПКОКС, 1995. — 376 с.
12. Бауэр Э.С. Физические основы в биологии. — М.: Мособлздравотдел, 1930. — 103 с.
13. Сорокин П.А. Главные тенденции нашего времени. — М.: Наука, 1997. — 351 с.

Поступила 31.03.2010 г.

УДК 101(091)

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ (ФУНДАМЕНТАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

А.Д. Московченко

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

E-mail: fil@tusur.ru

Рассмотрены вопросы фундаментально-технологической философии истории. Высказывается предположение об автотрофном характере будущего философско-исторического знания.

Ключевые слова:

Сущее, должное, фундаментальность, технологичность, автотрофность.

Key words:

Nature, tribute, fundamental character, processability, autotrophic character.

В 1984 г. вышел 4-й, завершающий, том сочинений Аристотеля, где предисловие было написано известным советским философом, Ф.Х. Кессиди [1. С. 8–38]. Предисловие замечательно тем, что философ предлагает оригинальную концепцию философии истории. Подробно анализируя основные пункты расхождения между Аристотелем и Платоном, Ф.Х. Кессиди приходит к выводу о том, что первый делал упор на действительных (относительных, «земных») благах, исходя из *сущего*, т. е. из того, какова реальная жизнь, а второй — на нравственном (абсолютном, «небесном») идеале, ориентируясь на *должное*, т. е. на то, какой должна быть жизнь людей.

Методологические выводы, сделанные мыслителем, имеют принципиальное значение для понимания хода исторического развития и тех процессов, которые мы наблюдаем во всем мире и особенно в «постперестроечной» России. Должное и сущее, идеальное и материальное или, образно говоря, небесное и земное составляют необходимые формы исторического бытия человека. Расхождение между Платоном и Аристотелем затронуло противоречие между идеалом и действительностью, между должным и сущим.

Сказанное, в сущности, означает новое формулирование закона истории, а именно того факта, что источник как подъема, так и падения мировых цивилизаций коренится в диалектике (противоречивом единстве) должного и сущего, идеала (цели,

ценностной ориентации) и действительности. «Механизм» подъема и падения цивилизаций заключался соответственно в соблюдении и нарушении подвижного равновесия между сущим и должным, материальным и идеальным, т. е. между сложившимся положением вещей (общими экономическими и геополитическими отношениями, политическими порядками и т. п.) и тем, каким это отношение вещей должно быть, должно стать с позиций того или иного идеала, намеченной цели жизни и реальности. В этом «должно быть», «должно стать» кроется нравственный и психологический пафос социальных революций, источник уверенности революционеров в своей, можно сказать, святой правде, ради которой они готовы идти на любые жертвы.

Сущее и должное, действительность и идеал (идеалы) не существуют сами по себе, они проявляются в судьбах народов и наций, в особенностях их психологического склада (характера), менталитета (образа мышления и духовного склада), образа жизни, обычаев и культуры. Одни народы (а также их культуры, в значительной степени обусловленные генетическими особенностями характера — народного духа, как было принято говорить в прошлом веке) ориентированы преимущественно на должное, сверхестественное (религия), сакральное и иррациональное (Восток); другие — на сущее (сервисная технология), светское и рациональное (Запад). Порочность капитализма состоит в перео-

ценке сущего, материально-сервисного аспекта индивидуальной и общественной жизни. Напротив, утопический (и поэтому шаткий) характер строительства коммунизма в бывшем СССР коренился в преувеличенных представлениях о роли должного, роли идеалов в истории. Добавим, что «сопротивление материала», т. е. человеческой природы, оказанное на пути реализации коммунистических идей, сделало неизбежным усиление государства как орудия построения нового общества, применение насильственных мер принуждения.

Ставка на сущее, что наблюдается в современной России, приводит к абсолютизации рыночных механизмов, к неконтролируемому потреблению, необычайному усилению криминальных структур. Вместе с тем истощающиеся природные ресурсы вряд ли смогут обеспечить «нормальное» функционирование рыночных механизмов. Рано или поздно человечество, чтобы не погибнуть, будет вынуждено ввести контроль над потреблением. Поэтому вполне возможно, что уже в обозримом будущем рыночная экономика (базирующаяся на «сущем») будет объявлена вне закона как угрожающая существованию человечества. Плановая же экономика (основывающаяся на «должном») с ее несовершенным, но действующим механизмом контроля потребления, в гораздо большей степени соответствовала грядущим целям человечества.

На Западе, судя по докладам на Конференции ООН по окружающей среде в Рио-де-Жанейро (1992) и публикациям Римского клуба, уже давно это поняли и стали перестраивать экономику в сторону стабилизации производства и потребления. По существу, в странах «золотого миллиарда» началось (пока медленно) формирование пострыночных экономических структур, в которых рыночным механизмам отводится все меньшая роль и явно просматриваются элементы контроля и регулирования потребления с использованием «чисто социалистических» методов обобществления собственности и перераспределения доходов. Но «сущее» остается доминирующим фактором западной цивилизации.

Высшим этапом западного пути развития явился капитализм со свойственной ему жадной наживы, конкуренцией и эксплуатацией трудящихся. На этом фоне возник марксизм, приверженцы которого, вслед за древним Платоном, увидели первопричину всех социальных бед в частной собственности на средства производства, включая орудия производства. Ликвидация частной собственности означала первенство должного над сущим, над действительностью. Интересно отметить, что В.И. Ленин раньше других понял преждевременность абсолютной приоритетности должного над сущим, желаемого над действительным. Должное требует объективных экономических и культурных предпосылок. Это не было понято соратниками В.И. Ленина, что привело к грандиозному эксперименту по тотальной реализации должного

(коммунистической утопии) на огромных пространствах великой страны. Невнимание к сущему способствовало в конечном итоге распаду СССР. Этого можно было избежать только в случае сохранения авторитарной власти («диктатуры пролетариата»), совмещающей государственную собственность на главные средства производства с различными видами кооперативной и мелкой (возможно, и средней) собственности. Можно сказать, что реформы, предложенные Дэн Сяо-Пином и осуществляемые в современном Китае, представляют собой вариант, первые контуры которого были намечены В.И. Лениным.

Диалектика должного и сущего в гносеологическом плане раскрывается через диалектику фундаментального и технологического исторического знания. Мир, в котором живет человек, как бы удваивается: кроме природных объектов, многое из того, что нас окружает, является продуктом человеческой деятельности. Более того, природная составляющая становится все менее заметной в человеческой деятельности. Наряду с природными объектами появляются объекты искусственные. При этом необходимо отметить следующее: искусственно созданное начинает существовать по природным, естественным законам, т. е. искусственное как бы превращается в естественное, включаясь в естественно-исторические механизмы природного и социального. Но это не естественно-природное (с человеком не связанное и от него не зависящее), а естественно-социальное. Например, техносфера, постоянно создаваемая человеком, — явление искусственное, но, рассматривая ее ретроспективно, замечаем глубинное естественно-историческое содержание, от человека не зависящее. Если бы было наоборот, то не наблюдались бы весьма нежелательные (и даже трагические) для человека результаты его техносферической деятельности, связанные с разрушением окружающей среды, да и самого человека. Человеческая деятельность связана не только с созидательными, но и разрушительными тенденциями, и все усилия необходимо направить на то, чтобы уменьшить разрушительное начало, подготовившись к разрешению действительно человеческих проблем. *Выявить меру созидания и разрушения в должном и сущем* — важная задача философии истории [2. С. 80, 106].

Естественное шире природного и с необходимостью включает в себя социальное. Такой взгляд обнаруживается у К. Маркса и особенно у В.И. Вернадского. История, по Марксу, представляет как «естественно-исторический процесс», где действуют объективные «законы-тенденции» в сочетании с субъективными факторами. Природное и человеческое рассматривается Вернадским с единых, естественно-исторических позиций, а если говорить о перспективе, — с позиций ноосферы. При этом ноосфера выступает одновременно и как явление естественно-историческое (результат длительного исторического процесса), и как искус-

ственное (контролируемое и управляемое человеком). Даже сама человеческая мысль далеко не случайна и, как всякое природное явление, она закономерна, как закономерен в ходе времени палеонтологический процесс, создавший мозг homo sapiens и ту социальную среду, в которой как ее следствие, как связанный с ней природный процесс создается научная мысль о должном и сущем. [3. С. 124–130].

Естественное нельзя сводить к объективному в человеческом обществе. отождествление естественного (естественно-исторического) и объективного приводит к механическому противопоставлению объективного и субъективного в человеческой деятельности. При этом субъективная сторона человеческой деятельности попросту отбрасывается. Должное (идеал) только тогда становится конструктивным, когда включает в себя субъективное, человеческое начало во всех своих проявлениях. Вульгарно понятая коммунистическая идея, имея, по существу, объективный характер, не обращает должного внимания на человека, его внутренний душевно-духовный мир. Тогда человек превращается в «административный винтик», что нарушает естественно-исторические механизмы проявления социального.

Поэтому методологическим правилом при изучении человеческой истории должно быть следующее: не отрывать объективное от субъективного и исследовать диалектику объективного и субъективного. И что очень важно: объективное и субъективное необходимо рассматривать с единых, естественно-исторических позиций. В этом заключается фундаментальность подхода к человеческой истории. Тогда будут схвачены как объективная детерминация исторического процесса, так и сам человек, активно влияющий на ход истории. Фундаментальный, естественно-исторический подход обнаруживает не только объективную логику хозяйственной и культурной эволюции, но, что особенно важно, — объективную логику человеческих поступков. В связи с этим становится актуальным вопрос о соответствии логики человеческих поступков логике хозяйственной и культурной эволюции.

Абсолютизация должного предполагает единомыслие во взглядах на естественно-исторические механизмы и преследование инакомыслия. Об опасности тоталитаризма в мышлении предупреждал еще Аристотель. Ликвидация всякой частной собственности, чрезмерная централизация государственной власти могут привести к развалу и гибели государства, что мы наблюдали в 90-е годы прошлого века, когда распался СССР. Поэтому от государственных деятелей требуется большое искусство выявления естественно-исторических тенденций как общества в целом, так и отдельных индивидуумов. Мировой политике не хватает фундаментальности в вопросах формирования должных целей и идеалов.

Фундаментальная философия истории призвана раскрыть естественно-исторические механизмы человеческой деятельности, где объективное и субъективное органически взаимосвязано. При этом можно сформулировать следующий ряд методологических процедур:

- 1) провести тщательный анализ уже сложившихся форм взаимодействия объективного с субъективным;
- 2) выявить на этой основе объективные детерминации важнейших субъективных решений и поступков (например, почему В.И. Ленин был вынужден ввести НЭП);
- 3) выявить все многообразие нереализовавшихся субъективных позиций и решений (например, что предлагали по поводу социалистического строительства меньшевики Г.В. Плеханов, Н.Н. Суханов и др.);
- 4) объяснить «победу» одного из альтернативных решений, раскрыть механизм превращения одного из возможных решений в действительность (например, с чем связано свертывание НЭПа после смерти В.И. Ленина, и почему соратники последнего были столь напуганы кооперативным планом умирающего вождя);
- 5) спроектировать все многообразие будущих социальных «маршрутов» (например, что произошло бы с советским государством, будь жив В.И. Ленин и т. д.);
- 6) выбрать оптимальный вариант решения (это самый трудный вопрос исторической методологии, поскольку требует оценки прошлого с позиций настоящего, а настоящее должно интерпретироваться с точки зрения будущего, т. е. должного).

При этом необходимо заметить следующее: выявляя естественно-исторические механизмы человеческой деятельности (первая и вторая процедуры) мы вынуждены восстанавливать исчезнувшие фрагменты исторической реальности (третья и четвертая процедуры). Это, по сути, «реконструкция» прошлого. В результате такой реконструкции опыт прошлых поколений используется в полной мере для решения насущных задач (см. процедуры пятая и шестая). Отыскивая повсюду и во всем объективную детерминацию, мы вместе с тем расширяем «историческое поле», обнаруживая все многообразие альтернативных позиций и решений (а что бы было, если бы...). «Предсказать» прошлое не менее трудно, чем предвидеть будущее. При этом если какое-либо историческое событие, даже якобы «ошибочное» с точки зрения настоящего, совершилось, то считать его «произвольным» (как это часто делают по отношению, например, к Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г.) методологически неверно, а если затрагивать политическую стратегию, то и опасно.

На это обращал внимание еще в начале 20-х гг. XX в. известный русский мыслитель Л.П. Карса-

вин, рассматривая с естественно-исторических позиций политику большевиков и их «коммунистическое строительство»: «Мы не утверждаем, что большевики — идеальная власть, даже — что они просто хорошая власть. Но мы допускаем, что они — власть наилучшая из всех ныне в России возможных. До самого последнего времени русский народ их поддерживал. Это не значит, что он их нежно любит: он их поддерживал, как неизбежное и наименьшее зло... По существу своему политика большевиков была если и не лучшим, то, во всяком случае, достаточным и при данных условиях может быть единственно пригодным средством для сохранения русской государственности и культуры» [4. С. 307].

История заслуживает глубокого фундаментального осмысления, чтобы варианты, опрокинутые историческим развитием, не теряли своей познавательной ценности в нынешних поисках оптимальных решений. Но в таком случае мы покидаем область фундаментальной философии истории и переходим в область философии истории технологической, связанной с проектированием и конструированием прошлого, настоящего и будущего. В связи с этим следует отметить появление во второй половине XX в. своеобразного интеллектуального движения под названием «Новая история», которое ставит себе задачу не на описание исторических фактов, лежащих на поверхности, но на «дешифровку» (реконструкцию) понимания глубинного смысла высказываемых историком сообщений. Другими словами, история выступает как проектируемое, «технологически оформленное» прошлое [5. С. 59]. С этих позиций предложенные выше нами методологические процедуры выступают в качестве многофакторной реконструкции прошлого с учетом взаимосвязи объективной и субъективной сторон исторического процесса.

Философия сущего — это технологическая философия истории, которая кардинально отличается от философии должного — фундаментальной философии истории.

Фундаментальная философия истории разрабатывалась в трудах Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса, Н. Данилевского и В.С. Соловьева. Главное, что их объединяло, — поклонение будущему (должному), хотя объяснительные принципы исторического процесса были разные. У Г.В.Ф. Гегеля — это самодвижущаяся абсолютная идея, развивающаяся по определенному плану; у К. Маркса — естественно-исторические условия проявления материального способа производств; у Н. Данилевского — культурно-исторические факторы возникновения, развития и исчезновения всего многообразия жизнедеятельности различных этносов; у В.С. Соловьева обнаруживается целый ряд объяснительных принципов: космогонический, теологический и исторический.

Главный вопрос для фундаментальной философии истории — это вопрос о *смысле истории*. Почему человечество до сих пор не достигло совершен-

ного общественного состояния? И достигнет ли оно такого состояния вообще? Почему зло принципиально неустранимо из истории? Почему с развитием человеческого общества возникают новые формы зла?

Чтобы ответить на вышеперечисленные вопросы, необходимы концепции, связанные с природой человека, судьбами отдельных личностей, влиянием естественно-исторических факторов на *процесс формирования человека*. Это, по сути, технологическая философия истории, философия сущего, где непосредственный живой опыт людей вплетается в сложную структуру естественно-исторического. Человек сопротивляется, пытаясь воздействовать на ход исторического процесса, а, сопротивляясь, — начинает испытывать страдание. Это нашло свое выражение в персоналистских концепциях (персонализм — от лат. личность) философии истории, связанной с именами Н. Бердяева, Л. Шестова, К. Ясперса, Ж. Маритена, Х. Ортега-и-Гассета и др.

Главным фактором исторического процесса выступает личность, ее достоинство и ответственность. XX в. характерен тем, что утрачивается ценность личности, уважительное отношение к ней. Необычайно остро встает проблема прав и свобод личности. Для технологической философии истории в ее персоналистском варианте характерно изучение исторического человека во всей полноте его конкретных проявлений, что в конце XX в. выродилось в постмодернистские настроения, где главное — *секс, безумие и тюрьма*. Технология человеческой деятельности принимает все более сервисный характер, обуславливающий удовлетворение самых низменных потребностей. На это еще в конце XIX в. обратил внимание выдающийся русский мыслитель К. Леонтьев. Он считал, что со временем (которое мы сейчас наблюдаем) выработается средний человек, ориентированный на сиюминутные потребности, бесконечное отставание своих прав и свобод, природы и сути которых он не знает.

К. Леонтьев считал, что процессы «усреднения» человека происходят во всемирном, космическом масштабе и что этих процессов не сможет избежать и Россия. Все дело только во времени: она запоздает с этим процессом, и это запаздывание надо продлить, замедлить, «подморозить» темпы вступления России в сервисно-технологическую жизнь, чтобы спасти ее культурное своеобразие. [6. С. 119–168]. Это замечательное предвидение К. Леонтьева. Мы сейчас наблюдаем активное вхождение России в мировую сервисно-технологическую цивилизацию, которая приведет ее к распаду и гибели. Еще более резко высказывался по поводу западных ценностей основатель русского космизма Н. Федоров. Он называл Европу «цивилизацией молодых». Ее главную особенность Н. Федоров видел в том, что сыны человеческие сняли с себя обязанности перед отцами, предками, т. е. перед традицией, отделились от них в своей гордыне, перестали считаться с прошлым, забыли свой сыновний долг.

Следует отметить, что легализацию секса Н. Федоров связывал со спецификой «цивилизации молодых», которая, по его словам, возродила культ языческой «народной Афродиты» [7. С. 66–67]. Спустя полвека такие же мысли высказывал испанский философ XX в. Х. Ортега-и-Гассет: «*Безнравственность ныне стала ширпотребом*, а отвращение к долгу укоренилось онтологически, породив «полусмешной-полустыдный» феномен нашего времени — культ молодежи как таковой» [8. С. 162]. Ортега сравнивал современного ему европейца с «взбесившимся дикарем», именно «взбесившимся», ибо «нормальный дикарь» чтит традиции, следует вере, табу, заветам и обычаям.

Таким образом, технологический персонализм начала XX в. в конце века вырожден в «технологический постмодерн», где главное не создание, синтез, творчество, а «деконструкция» и «деструкция», т. е. перестройка и разрушение прежней структуры человеческой деятельности. Это случилось по той причине, что человек плохо представляет себе природу человека, природу его потребностей, более того, природу эволюционирующей потребности. Технологическая философия истории не сложилась. И не сложилась она потому, что оказалась оторванной от философии истории фундаментальной. Необходим синтез фундаментальных и технологических факторов исторического развития, который бы сумел совместить космологические, природно-биосферные и человеко-духовные тенденции развития.

Синтетический подход к осмыслению исторического процесса обнаруживается в *русской философии истории*. Подобная синтетическая парадигма русской историософии нашла достойное выражение в идее соборности (А.С. Хомяков), принципе цельного знания (И.В. Киреевский), проектно-преобразующем знании будущего (Н.Ф. Федоров), концепции всеединства (В.С. Соловьев), автотрофном человечестве будущего (В.И. Вернадский).

Нам представляется, что автотрофная концепция В.И. Вернадского является наиболее конструктивной историософской концепцией [9. С. 462–486]. Во-первых, она подытоживает богатейший опыт философско-исторических построений русских и зарубежных мыслителей, во-вторых, дает возможность найти механизм совмещения фундаментального и технологического исторического знания, в-третьих, автотрофная концепция может разрешить самые насущные потребности человечества.

Какие же выводы можно сделать, исходя из автотрофной концепции?

1. Автотрофное человечество независимо от живого вещества, и в этом заключается автономность (независимость) человечества. Оно независимо прежде всего от биосферы, его органических продуктов (нефти, газа, угля и т. д.), от растительного и животных миров, которые современное человечество вынуждено уничтожать.

2. Автотрофное человечество — это человечество, обладающее высочайшей эффективностью общественного производства, и эта эффективность связана с переходом на автотрофные механизмы связи человека с природой (в настоящее время эти связи носят гетеротрофный, паразитический характер, уничтожающий все живое). Появится новое социальное существо — автотрофное, которое будет владеть этой эффективностью. В.И. Вернадский отмечал: «Создание нового автотрофного существа даст ему доселе отсутствующие возможности использования его вековых духовных стремлений; оно реально откроет перед ним пути лучшей жизни» [9. С. 484].
3. Движение к автотрофному человечеству необходимо воспринимать как глубинный природный, биосферно-геологический процесс. Это движение носит естественно-исторический характер и оно неотвратимо.

Удивительно, что более полувека назад В.И. Вернадский указал человечеству выход из создавшегося катастрофического положения. На современном этапе развития человеческого общества представляется возможным технологически описать переход на принципиально новую ступень человеческого развития.

Таким образом, автотрофная концепция исторического развития человечества снимает многие трудности и неясности философии истории. Она, во-первых, содержит в себе «должное», поскольку автотрофное эволюционное движение затрагивает не только ближайшее, но и отдаленное будущее, во-вторых, включает в себя «сущее», так как затрагивает телесную и духовную стороны настоящего человека.

Автотрофная философия истории — фундаментальна, идет поиск самоорганизующихся механизмов социальных систем, их переход от одной ступени развития к другой. Автотрофная философия истории — технологична, поскольку указывает человеку конкретные шаги по перестройке образа жизни, потребностей, мыслей в сторону большей духовности. Автотрофная философия истории позволяет понять природу человека, смысл его деятельности, перспективы, связи с Космосом.

Современному поколению, прежде всего молодому поколению (студенчеству), следует усвоить наследие русской философской и историософской мысли, которое в силу идеологических причин долгое время находилось под запретом. Подлинное отношение к наследию предполагает не только его освоение и сохранение, но и творческое развитие. Поэтому на основе достижений русской философии истории, этого грандиозного философско-исторического синтеза, мы должны создать новую концепцию русской философии истории, которая в полной мере учитывала бы достижения современной философской мысли, а также реалии современного исторического бытия и русского народа.

Итак, философия истории — это раздел философии, связанный с интерпретацией исторического процесса и исторического познания. Главная проблема — раскрытие природы движущихся сил исторического процесса; поиск механизмов периодичности исторического движения, природных и социальных циклов; их соотношение и совмещение.

Возникает вопрос: является ли история человечества естественно-историческим феноменом или же выступает как проект социального и Вселенского Разума. Выявились две концепции: фундаментальная и технологическая.

Фундаментальная концепция нашла свое классическое воплощение в трудах Г.В.Ф. Гегеля (исторический процесс как саморазвертывание Абсолютного разума) и К. Маркса (саморазвертывание общественно-экономических формаций). Фундаментальное направление включает в себя обширный спектр исследовательских поисков от географической школы, где самодвижущим историче-

ским началом выступает географическая среда, до теорий круговорота локальных цивилизаций А. Тойнби.

Технологическая концепция основное внимание обращала на проблему прав и свобод личности, природу эволюционирующей человеческой потребности (Н. Бердяев, К. Яперс и др.). В XX в. в условиях опасности нарастания глобальных кризисов, особенно экологических, встает задача совмещения фундаментального (должного) и технологического (сущего) представлений о движущих силах исторического процесса и создания всеобъемлющей философско-исторической теории. Конструктивная системная парадигма представлена в рамках русской философии истории, особенно в трудах В.И. Вернадского, связанной с концепцией будущего автотрофного человечества. Данная концепция дает возможность совместить естественно-исторические природные и социальные механизмы и развивающиеся потребности человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кессиди Ф.Х. Этические сочинения Аристотеля // Аристотель. Соч. в 4-х т. Т. 4 (Общ. ред. А.И. Доватора). — М.: Мысль, 1984. — 830 с.
2. Московченко А.Д. Проблема интеграции фундаментального и технологического знания. — Томск: Томск. гос. ун-т систем управления и радиоэлектроники, 2001. — 192 с.
3. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. — М.: Наука, 1988. — 520 с.
4. Карсавин Л.П. Философия истории. — СПб.: Комплект, 1993. — 351 с.
5. Ястребицкая А.Л. Новая история // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Том 2 (Гл. ред. С.Я. Левит). — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. — 1184 с.
6. Леонтьев К.Н. Избранное. — М.: Московский рабочий, 1993. — 400 с.
7. Федоров Н.Ф. Сочинения. — М.: Мысль, 1982. — 711 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. — М.: ИНФРА-М, 2000. — 703 с.
9. Вернадский В.И. Автотрофность человечества // Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков (Сост. Г.П. Аксенов). — М.: Современник, 1993. — 688 с.

Поступила 07.04.2010 г.